

Овчинников Игорь Александрович

врач челюстно-лицевой хирург ФГБУ НМИЦ «ЦНИИСиЧЛХ» Минздрава России, кандидат медицинских наук

«Для мира сделаю я немало добрых дел,
во веки вечные их не забудут люди
И если выйдет все как я хотел,
о милый Боже, мир прекрасней будет»

—Алло, Игорь? Здравствуй, профессор Рогинский, пойдешь ко мне в аспирантуру?

Вот так начался мой путь детского челюстно-лицевого хирурга рядом с могучим детским челюстно-лицевым хирургом, профессором Виталием Владиславовичем Рогинским. Сразу хотелось бы отметить, что специальности детская челюстно-лицевая хирургия не существует. И Виталий Владиславович всегда недоумевал по поводу сложившейся ситуации.

Знакомство с Шефом, как мы звали его между собой в ординаторской, состоялось у меня на берегу Японского моря в г. Владивостоке в 1999 году. В июле в городе проходил один из симпозиумов с челюстно-лицевой тематикой, и волей судьбы я, будучи сотрудником Отделения челюстно-лицевой хирургии Хабаровской краевой клинической больницы № 1, оказался на этом симпозиуме с докладом, посвященным травме костей лицевого скелета. На этом же мероприятии в качестве приглашенной звезды был и Виталий Владиславович. Сейчас такого человека называют хэдлайнер. Моя коллега Юлия Станиславовна Пятых входила в составе оргкомитета конгресса и после доклада познакомила меня с Виталием Владиславовичем.

Для меня как для врача профессор Рогинский был небожителем. Рогинский В.В., Неробеев А.И., Безруков В.М. – фамилии профессоров, которые «рулили» челюстно-лицевой хирургией в то время, а мы учились по книгам, которые писали эти люди. Для меня, рядового врача отделения челюстно-лицевой хирургии далекого дальневосточного города, хоть и краевого центра, знакомство с Виталием Владиславовичем было очень знаменательным событием. Тем более, я знал, что мой непосредственный руководитель, заведующий кафедрой стоматологии детского возраста и декан стоматологического факультета Виктор Александрович Вайлерт, был аспирантом Виталия Владиславовича и защищал кандидатскую диссертацию под его руководством. А в тот день, когда мы познакомились, диалог был очень короткий.

– Я видел твой доклад, хочешь приехать ко мне на учебу? – спросил Виталий Владиславович.

– Конечно!!!

Я даже не раздумывал над ответом. Учится у Рогинского, осваивать новые методики, смотреть как оперирует Виталий Владиславович дорогого стоило. Через 6 месяцев благодаря помощи моего друга Александра Махова я приехал на месячный курс по детской челюстно-лицевой хирургии к Виталию Владиславовичу. Обучение проходило, как говорится, без отрыва от производства, то есть на рабочем месте в отделении челюстно-лицевой хирургии больницы Св. Владимира. Меня сразу поразила обстановка в коллективе, которым руководил Виталий Владиславович.

Во-первых, это был коллектив единомышленников, который Виталий Владиславович негласно разделил на группы по патологиям: одна группа занималась врожденной патологией, другая – приобретенными образованиями мягких тканей и костей лицевого скелета, третья – диспластическими процессами, сосудистой патологией. При этом отделение оказывало ургентную помощь, поэтому каждому врачу отделения приходилось лечить больных с совершенно разными патологиями.

Во-вторых, в коллективе была заведена одна очень уютная и сплачивающая коллектив традиция. В отделении было выделено помещение – кухня-столовая, едальня как ее называли между собой. Наверно уже все мои коллеги по больнице Св. Владимира о ней вспомнили. Так вот, Виталий Владиславович выделял деньги, а очередной дежурный на неделю накрывал на стол неприхотливый завтрак – сыр, масло, колбаса, заваривал чай, а затем готовил обед на весь врачебный коллектив. Каждый день после пятиминутки в кабинете заведующего, Андрея Алексеевича Седых, все врачи отделения собирались на завтрак в едальне, во главе стола сидел Шеф! Эти приемы пищи были особенными, они объединяли коллектив, и центром этого объединения был Виталий Владиславович Рогинский.

Профессор всегда был в курсе происходящего в отделении. Он был на работе с утра и до позднего вечера, в любой момент любой из докторов мог обратится к шефу за консультацией, и никогда не было отказа. Больных и, соответственно, операций было много, очередь на госпитализацию растягивалась на полгода, хотя отделение было большое. Операции порой затягивались до самого вечера, и обсуждать больных приходилось по окончании рабочего дня, поэтому формат работы был ненормированный. Виталий Владиславович всегда был сторонником свободного рабочего графика, его формат «сделал дело – гуляй смело», но утром на пятиминутке должен быть «как штык». Он придерживался дисциплины строгой, но справедливой. Каждую пятницу был обход, и ни один больной отделения не оставался без внимания профессора. Кроме того, постоянно приезжали люди на консультации со всех уголков нашей страны. Слава Виталия Владиславовича расходилась далеко за пределы московской кольцевой дороги. Особенность была в том, что профессор Рогинский брался всегда за самые сложные бесперспективные случаи, брался за тех больных, которым уже везде отказали. Такая у них была особенность, у Рогинского и Неробеева. Многие не брали больных с тяжелыми сосудистыми мальформациями, а они брали. Брали и помогали, не всегда вылечивали полностью, вылечить их порой было невозможно, но помогали, улучшали качество жизни.

Месяц пролетел довольно быстро, и когда я уезжал после стажировки, никаких договоренностей с Виталием Владиславовичем у нас не было. А потом звонок, недолгие размышления, и в сентябре 2001 г. я поступил в аспирантуру ЦНИИС к профессору Виталию Владиславовичу Рогинскому. Начались рядовые будни аспиранта ЦНИИС и врача челюстно-лицевого хирурга Центра детской челюстно-лицевой хирургии.

Работоспособность Виталия Владиславовича была колоссальная, каждый день операции, осмотры, решение клинических задач. После операций шеф ехал в институт для решения текущих научных задач, зачастую возвращался опять в больницу и до позднего вечера работал над различными материалами, статьями, диссертациями, смотрел больных. И так каждый день. Виталий Владиславович всегда был в гуще событий отделения, все постоянно вертелось вокруг него. Для Рогинского не было нерешаемых задач, всегда должно быть решение и порой абсолютно нестандартное. И эти решения появлялись в ходе длительных коллегиальных обсуждений. Если была необходимость, то для решения клинической задачи собирали консилиумы, привлекали специалистов других специальностей и не всегда медицинских направлений.

Один из примеров нестандартного мышления в поиске методов лечения – это радиочастотная термоабляция мальформаций кровеносных сосудов. Именно Виталий Владиславович предложил применять аппарат Cool Tip для термоабляции венозных мальформаций. Метод РЧА шеф увидел на каком-то из симпозиумов онкологов, где демонстрировали лечение метастазов в печени методом РЧА. Рогинский тут же договорился со специалистами института Вишневского, и уже через месяц мы впервые применили РЧА при лечении больного с венозной мальформацией.

Отдельно хотелось бы сказать о Шефе как о хирурге. Спокойный, деловитый, уверенный. Во время операции мог выгнать ассистента, по рукам врезать, но за дело.

– Не смей в рану пальцами лазить, у тебя для этого инструменты есть!

Любимое выражение: оперировать можно и медведя научить, вот выходить больного – это другое дело. Даже если что-то не получалось в операционной, он мог корить нерадивых ассистентов, но никогда не повышал голос на операционных сестер. При этом Виталий Владиславович всегда излучал уверенность, даже когда он сам не оперировал, а просто находился в операционной – всем присутствующим становилось спокойней.

Помню такой случай. Я оперировал больного с мальформацией кровеносных сосудов в щечной области. Во время операции возникло кровотечение, в принципе это довольно прогнозируемо при данной патологии, но кровотечение было очень обильным. Источник кровотечения был в крыло-челюстном пространстве, в общем ситуация сложная. Я попросил санитарку пригласить профессора. Виталий Владиславович пришел в кратчайшее время, он тогда уже не оперировал. Он уже собирался уезжать и пришел в халате, надетом на повседневную одежду. Все время, пока мы его ждали я держал рану в полости рта, уходящую в крыло-челюстное пространство, плотно затампонированной, другой рукой через кожу пережимал приводящие сосуды в области сонного треугольника.

– Что у тебя?

– Да вот, крованули.

Виталий Владиславович моментально оценил ситуацию.

– Что думаешь делать?

– Думаю идти на перевязку.

– Да, пожалуй! А рану надо плотно затампонировать.

Все время, пока я делал доступ и перевязку наружной сонной артерии, Шеф сидел на стуле в операционной и даже слегка задремал. Несмотря на то, что он сам не стоял у стола, а сидел на стуле, его присутствие в операционной вселяло спокойствие и уверенность. Операция закончилась хорошо, мы перевязали наружную сонную артерию, затампонировали гемостатическим бинтом рану, кровотечение остановилось. Ребенок выздоровел и благополучно выписался.

Шеф был для меня не только учителем и как для аспиранта руководителем. Но в большей степени для меня как для хирурга Виталий Владиславович был наставником, старшим товарищем. Он никогда не говорил делай (в смысле оперируй) так-то и так-то. Он учил своими операциями, своим подходом, своими знаниями. Для меня его школа – это принцип «Делай как я».

Вспоминаю еще один клинический случай. Дело было еще в больнице Св. Владимира. Поступает девочка двух лет с анкилозом ВНЧС с обеих сторон. Виталий Владиславович отдал пациентку мне. Мы с коллегами спланировали операцию, подготовили эндопротезы ВНЧС. Девочку прооперировали, рот открылся, анкилоз устранили, все довольны. Однако на очередном пятничном обходе Виталий Владиславович высказал недовольство проведенной операцией и сказал, что я недостаточно удалил костных тканей, вовлеченных в анкилотический процесс. На тот момент я был абсолютно уверен, что шеф, возможно, перестраховывается. Девочка с мамой счастливые уехали домой. Каково же было мое удивление, когда через 6 месяцев ребенок приехал с

точно такой же ситуацией, как будто его и не оперировали. По данным КТ, эндопротезы полностью обросли костью, и произошел рецидив. Рот опять закрылся. Виталий Владиславович не стал устраивать разбор полетов. Мы пошли на операцию, на сей раз оперировал Рогинский, он радикально удалил гетеротипическую кость, устранил анкилоз и после диагностики уставил эндопротезы. Все прошло хорошо. Ребенок с мамой довольные уехали домой с полностью восстановленной функцией. Они приехали на контрольный осмотр через 6 месяцев: рот открывался замечательно, и вот только тогда Виталий Владиславович позвал меня, чтобы обсудить эту клиническую ситуацию. Мы полностью по-шагово проанализировали весь ход лечения, и Шеф объяснил мне мою ошибку, исходя из своего опыта и знаний. Позже, через несколько лет, я нашел в иностранной литературе научное объяснение методики агрессивного удаления анкилозированных тканей и сказал об этом Виталию Владиславовичу. На что он сказал, что хоть они там и дураки, но тоже кое-что знают.

Вот так учил Рогинский. Шеф был очень хороший диагност. Во всем, что касалось диагностики новообразований костей и мягких тканей челюстно-лицевой области, равных ему не было. Тем более, что докторская диссертация у него как раз была по новообразованиям в челюстно-лицевой области у детей.

Я как-то выпросил у Виталия Владиславовича на время его докторскую. Ходоков к Рогинскому всегда было много, и порой некоторые просили какие-либо книги или журналы, статьи, а Шеф никогда или почти никогда не отказывал (отказывал только неблагонадежным с его точки зрения, а точку зрения он почти никогда не менял). Так вот, чтобы не забыть он писал маленькие записки. Допустим, Овчинников такого-то числа взял такую-то книгу и клал эту бумажку себе на стол в отдельную стопочку. Это правило не только позволяло сохранять литературу, но и воспитывало определенную ответственность у того, кто берет эту книгу. Я этот практический навык перенял у Виталия Владиславовича.

И еще один навык, о котором хочу вспомнить. Это использование обратной (чистой) стороны листа отпечатанной на одной стороне статьи. Виталий Владиславович всегда использовал обратную чистую сторону для своих заметок, мыслей, соображений. Вроде бы незначительная мелочь, на самом деле – рациональный подход. Таким был Рогинский! В нем удивительно сочетались высокий профессионализм и рациональность, мудрость, а порой и житейская хитрость! И при этом, Виталий Владиславович обладал огромным обаянием, которое распространялось на всех окружающих его людей: коллег, пациентов, друзей!

Вроде бы это малозначительные моменты для такой могучей личности, для большого ученого, профессора Рогинского, но они очень человечные. Виталий Владиславович был человеком порой суровым, но при этом справедливым и очень человечным. Как-то раз мы всей нашей большой командой были приглашены на банкет по поводу важного для Шефа события в его жизни. И по прошествии пары месяцев после этого события Виталий Владиславович вызывает меня к себе в кабинет и протягивает конверт, открываю а там фотографии, как раз с этого банкета и непосредственно с моим участием. Он каждому отдельно отпечатал фотографии!

Раз в неделю у Рогинского проходили консультации в ЦНИИС. Это было особенное событие. Такого разнообразия патологий нельзя было встретить ни на одной клинической базе. К Шефу приходили со всем, что можно было встретить в челюстно-лицевой области: и травма, и воспаления, и различные новообразования, врожденная патология, генетические аберрации. За одну консультацию можно было увидеть патологии на целый учебник по челюстно-лицевой хирургии.

Кроме того, на его консультации собирались не только все сотрудники отдела детской ЧЛХ, но и ортодонты, терапевты, ортопеды, в общем все, кто имел хоть какое-то отношение к детской челюстно-ли-

цевой хирургии. Довольно часто приходили студенты вузов последних курсов и ординаторы с других кафедр. И всех он вовлекал в процесс консультации. Ни один из больных не оставался без внимания и ни один из докторов Рогинским не был не замечен.

Отдельная тема – это Рогинский и природа. Во время работы над диссертацией мы с Шефом иногда обсуждали материалы моей работы, и зачастую наши профессиональные обсуждения заканчивались обсуждением рыбалок и охот. На эту тему Виталий Владиславович мог говорить часами. Мне довелось трижды оказаться в кампании с Рогинским на охоте. Это была честь, если ВВ пригласил на охоту, это надо было заслужить!

Свой первый экзамен я провалил. А было это так. Как-то раз, совершенно, как говорится, на ровном месте, в среду, среди рабочего дня вызывает меня к себе Рогинский и приглашает на охоту. Говорит:

– Нам в команду на загон нужны два человека.

– Когда? – спрашиваю я.

– Послезавтра, – отвечает профессор.

Я стою, глаза выпучил и ничего ответить не могу, поехать послезавтра на охоту –значит отменить все планы, нарушить данные обязательства и много всего, и тут я набрался смелости и говорю: «Извините Виталий Владиславович, не могу».

– Что?!

Мне показалось, что он даже усомнился в том, что услышал. Для Рогинского отказаться ехать на охоту – это что-то сверхъестественное, ты можешь не поехать на охоту только в одном случае, если ты умер! Так вот, после этого отказа я для Шефа на какое-то время «умер». Несколько лет он меня не приглашал. А тут, видимо, опять место случайно освободилось, говорит мне:

– Собирай своих ребят, поедем на загонную охоту на зайца.

Это была одна из самых его любимых охот, как мне показалось. На этот раз я не смалодушничал и согласился. В общем, поехали мы на охоту. Замечательно в первый день отохотились, ночевать расположились на охотничьей базе. Все как положено, вечером застолье, разговоры за чарочкой, охотничьи байки, и как-то засиделись за полночь. И во время посиделок Рогинский предлагает завтра загон на кабана сделать. Все – поддержали. Утром – подъем, а поспали часа 4 от силы. Выходим в общий коридор, мягко говоря, помятые. А Виталий Владиславович уже собранный, свежий как огурец, стоит в проходе и смеется над нами. Выбрались мы из дома, а мороз, надо сказать, градусов 30–35. Расселись по саням, прицепленным к снегоходам, поехали расставляться. Не буду углубляться в подробности, загон был долгий и безрезультативный. В общей сложности с 8 утра и до 12 часов мы проторчали на морозе. Когда нас, замерзших, грузили, как бревна, в сани, шевелится сами мы уже не могли, а Шефу все нипочем, ну что говорит, еще один загон организуем? В общем славная была охота, и когда в охотничьем доме мы отогрелись, то, учитывая, что кроме нас троих никто ничего не добыл, мы честно разделили трофеи с Виталием Владиславовичем. И его это порадовало. Порадовало, наверное, больше то, что он не ошибся в тех, кого позвал с собой на охоту, не ошибся в очередной раз в своей интуиции.

Я не был человеком его «ближнего круга», но я очень горжусь тем, что учился у Рогинского, что долгие годы работал рядом с Виталием Владиславовичем, горжусь тем, что участвовал в некоторых его проектах, тем, что был ему полезен в нашей работе.

Вспоминать о Рогинском можно много и в очень разных аспектах, он был очень разносторонним человеком. Профессиональное наследие Виталия Владиславовича – это его книги, его научные труды. Они, как и память об этом грандиозном человеке, останутся навсегда с нами.